

XVI

$\frac{45}{10}$

1909

NS-10 I-III

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ЯНВАРЬ.

№ 5.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПТИЧКИ-ТКАЧИ.
У БАБУШКИ (повѣсть).
ЧУЖОЕ ИМЯ (романъ).
НЕЧИСТАЯ СИЛА.
ИСТОРИЯ КУКЛЫ.
СЧАСТЬЕ.
ЗАЙКА И КОТИКЪ.
АРИФМОГРАФЫ, ГОЛОВО-
ЛОМКИ И ПРОЧ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Средневѣковый замокъ для склеиванія.

Выкройка англійскаго костюма для

1909

№ 5. Январь. 1908.

Годъ изданія II-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

... Кончается дѣло тѣмъ, что мартышка срывается и падаетъ прямо въ воду.

ПТИЧКИ-ТКАЧИ.

Въ жаркихъ странахъ Азии, въ Африкѣ и въ Австраліи живутъ птички, которыя называются ткачами. Они названы такъ потому, что съ удивительнымъ искусствомъ строятъ себѣ гнѣзда, которыя ткуть изъ тоненькихъ нитей, содранныхъ ими съ растений. Болѣе всего онѣ любятъ строить ихъ изъ липкихъ нитей кокосовой пальмы, для чего цѣлая стая ихъ, штукъ въ 200—300, избираетъ обыкновенно какую-нибудь одну пальму и начинаетъ трепать ея листья на нити такъ, что отъ пальмы остается только одинъ остовъ. При этомъ онѣ соблюдаютъ такой порядокъ, точно служатъ гдѣ-нибудь на фабрикѣ и получаютъ за это жалованье. Порхая, ткачъ схватываетъ клювомъ за край самага перваго зубца листа пальмы и, сразу опустившись внизъ, отдираетъ отъ него и отъ всего листа пальмы длинную зеленую нить и летитъ съ нею къ своему гнѣзду. За нимъ тоже самое дѣлаетъ другой ткачъ, затѣмъ третій и т. д., пока наконецъ весь листъ пальмы, вмѣстѣ со стеблемъ, не будетъ разодранъ на тонкія нити. Покончивъ съ однимъ листомъ, ткачи принимаются за другой, третій и т. д., пока отъ красивой пальмы не останется одна только метла.

Всѣ эти птицы любятъ жить колоніями, или большими обществами, и если колоніи эти велики, то онѣ принимаются сразу за нѣсколько де-

ревьевъ и тогда поднимается такой шумъ отъ отдиранія нитей, что его слышно бываетъ очень далеко. Эти птички совершенно не боятся людей, да и мѣстные жители относятся къ нимъ такъ, какъ мы къ своимъ воробьямъ, и не трогаютъ ихъ. Поэтому, чувствуя себя въ полной безопасности, эти маленькіе работники съ неутѣмимымъ трудолюбіемъ порхаютъ вокругъ какой-нибудь пальмы, и цѣлыя тучи ихъ перелетаютъ отъ гнѣздовья къ такой пальмѣ и отъ пальмы къ гнѣздовью, унося съ собою цѣлыя ленты зелени, развѣвующіяся по воздуху.

Изъ древесныхъ нитей ткачи дѣлаютъ себѣ гнѣзда, по формѣ очень похожія на наши графины. Такой графинъ прикрѣпленъ обыкновенно дномъ къ вѣтви какого-нибудь дерева, а своимъ горлышкомъ свѣшивается внизъ. Въ это горлышко ткачи влетаютъ и вылетаютъ. Вся колонія гнѣздится вмѣстѣ, такъ что при видѣ этихъ гнѣздъ, которыми часто бываетъ усыпано сплошь все дерево, кажется, что это не гнѣзда, а плоды, висящіе на его вѣтвяхъ. Въ каждомъ такомъ графинѣ-гнѣздѣ живетъ одна семья: отецъ, мать и дѣти. Когда дѣти выучиваются летать, то всѣ птички соединяются въ стаи, входящія числомъ иногда до нѣсколькихъ тысячъ штукъ и часто производятъ такія опустошенія, какія дѣ-

КНИГА ИНЖЕНЕР.

Печат. Листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. 1909 вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служб. №№	дел списка в подмаковья	1940 г.
------------------	--------	--	--------	------	----------	--------------	--	---------

инж. Дев

13	4	5-10				DV562		
----	---	------	--	--	--	-------	--	--

з. 39 т. 300 тсе
- 14

219

Wor

лаютъ у насъ воробьи, когда нападаютъ на вишневые сады или на засѣянные подсолнухами поля. Полетавъ нѣсколько мѣсяцевъ, ткачи начинаютъ линять, т. е. перемѣнять на себѣ перья, причемъ изъ некрасивыхъ, сѣренькихъ, они дѣлаются хорошенькими разноцвѣтными птичками. Затѣмъ родители снова возвращаются на то самое мѣсто, гдѣ вывелись ихъ птицы, и принимаются за новое высиживание. А такъ какъ вмѣстѣ съ ними туда же возвращаются и ихъ выросшія дѣти, которыя тоже хотятъ гнѣздиться, то начинается постройка новыхъ гнѣздъ и цѣлые мѣсяца здѣсь кипитъ такая работа, происходитъ такая дѣятельность, что имъ можетъ позавидовать даже человѣкъ. Иногда молодымъ птицамъ не удается ихъ первое гнѣздо: чѣмъ-нибудь оно начинаетъ имъ не нравиться. Тогда, не долго думая, онѣ его расплетаютъ снова на нити и снова начинаютъ его ткать. Въ этой работѣ иногда проходятъ цѣлые мѣсяцы. Но сколько-бы лѣтъ ни прошло, построенное такимъ образомъ гнѣздо составляетъ полную собственность той именно пары, которая его выстроила. И сколько-бы времени такая пара ни находилась въ отлучкѣ, ни одна другая пара не имѣетъ права его занять и такъ оно и стоитъ пустымъ до тѣхъ поръ, пока его хозяева не возвратятся обратно и не займутъ его снова. Но бываетъ и такъ, что какая-нибудь пара захочетъ вдругъ обманнымъ образомъ завладѣть та-

кимъ гнѣздомъ. Тогда вся колонія ткачей возмущается этимъ, собирается въ стаю; они долго и шумно шепчутъ о чемъ-то и затѣмъ безжалостно изгоняютъ изъ своей среды этихъ нарушителей порядка, а самое гнѣздо немедленно же уничтожаютъ.

Гнѣзда свои ткачи строятъ съ удивительнымъ искусствомъ. Трудно себѣ представить, какъ такая маленькая птичка, не обладающая человѣческими руками, можетъ посредствомъ одного только своего клюва сплести такую замысловатую штуку. Этого мало: устроивъ свое гнѣздо, ткачи еще много посвящаютъ времени и трудовъ на его внутреннюю отделку. Стѣнки они сглаживаютъ, выравниваютъ, выстилаютъ гнѣздо тонкими волокнами травы и перышками и пухомъ другихъ птицъ. Обыкновенно постройкой гнѣзда занимается одинъ только самецъ, а самка помогаетъ ему тѣмъ, что приноситъ ему строительные матеріалы, поддерживаетъ то ту, то другую ниточку или вѣточку, когда онъ строитъ, и помогаетъ ему завязывать узелки. Однимъ словомъ, вся тяжелая работа лежитъ на самцѣ. И если, окончивъ гнѣздо, онъ увидитъ, что какая-нибудь вѣтка недостаточно прочна, то онъ укрѣпляетъ ее, подвязываетъ къ ней podporку или перемышку, а если окажется, что онъ проглядѣлъ и не замѣтилъ, что какой-нибудь сучокъ входитъ внутрь самага гнѣзда, то, не долго задумываясь, онъ привѣшиваетъ къ нему внутри колыбель, въ которую самка

и кладеть свои яички. Какъ только гнѣздо построено и внутренняя отдѣлка его закончена, такъ самецъ начинаетъ отдыхать и всѣ дальнѣйшія уже поправки въ гнѣздѣ, т. е. веденіе хозяйства, начинаетъ исполнять самка. Но случается иногда и такъ, что налетитъ вдругъ вихрь и такъ раскачаетъ вѣтви дерева, къ которымъ прицѣплены гнѣзда ткачей, что гнѣзда эти надрываются или смѣщаются со своего положенія. Тогда самецъ снова принимается за работу, а самка такъ и не покидаетъ яицъ.

Свои гнѣзда ткачи дѣлають, какъ сказано выше, изъ волоконъ пальмы и другихъ подобныхъ имъ по волокнистости растений, но самыя гнѣзда устраиваются ими обыкновенно на вѣтвяхъ какихъ-нибудь прибрежныхъ деревьевъ, широко свѣшивающихся надъ водой. Это они дѣлають нарочно для того, чтобы оградить себя отъ нападенія змѣй, бѣлокъ, обезьянъ, и другихъ животныхъ, которыя были бы не прочь полакомиться ихъ яйцами или птенцами. Такимъ образомъ, чтобы достигъ гнѣзда, этимъ хищникамъ приходилось бы предварительно поплыть по водѣ, что не всегда бываетъ для нихъ удобно. Но никто изъ нихъ въ этомъ случаѣ не дѣйствуетъ такъ настойчиво, какъ мартышка: она цѣлые часы и даже дни просиживаетъ у такого дерева, съ жадностью поглядывая на висящія надъ водою гнѣзда ткачей и, повидимому, придумывая планъ, посред-

ствомъ котораго можно было бы достигнуть до гнѣзда. Но почти всегда терпѣніе ея подъ конецъ лопається и она храбро рѣшается пойти къ гнѣзду по вѣтвямъ дерева. Вѣтви чрезвычайно тонки и ломки, онѣ не въ состояніи бываютъ выдержать на себѣ обязыяну, подгибаются подъ ея тяжестью и кончается дѣло тѣмъ, что мартышка срывается и падаетъ прямо въ воду. Такимъ образомъ ей приходится невольно принимать ванну, что, конечно, и среди ткачей производитъ большой переполохъ. Всѣ они вдругъ вылетаютъ изъ своихъ гнѣздъ и положительно тучей начинаютъ носиться надъ обезьяной, не давая ей выплыть на берегъ, и бываетъ такъ, что мартышка захлебывается въ водѣ и идетъ ко дну. Если же подъ мартышкой обламывается вѣтвь, на которой имѣлись уже гнѣзда ткачей, то гнѣзда эти невредимо плывутъ вмѣстѣ съ вѣткой по поверхности рѣки и сидящія внутри ихъ птенцы такимъ образомъ совершаютъ путешествіе токъ въ токъ такъ, какъ мы на кораблѣ, и ожидаютъ, когда ихъ спасутъ ихъ родители. А родители тѣмъ временемъ ни на минуту не отпускаютъ изъ виду своего гнѣзда и, когда его водою прибываетъ къ берегу, то они привязываютъ его къ ближайшему сучку или кусту и продолжаютъ въ немъ жить, какъ ни въ чемъ не бывало.

Главную пищу ткачей составляютъ зернышки растений, различныя сѣме-

на и ядрышки стручковъ. Кромѣ того они любятъ ѣсть и мелкихъ насѣкомыхъ, но своихъ дѣтенышей выкармливаютъ исключительно только мушками и развѣ самыми мелкими червячками. Затѣмъ, когда дѣти ихъ выростутъ достаточно, они цѣлой стаей отправляются въ набѣгъ на плантации, гдѣ истребляютъ хлѣбныя растенія, овощи и плоды.

Къ намъ въ Европу иногда привозятъ изъ Африки или съ острова Цейлона такихъ ткачей и продаютъ ихъ въ магазинахъ. Не смотря на далекое путешествіе и на всѣ ужасы и лишенія морского пути въ клѣткахъ, бѣдныя птички выживаютъ довольно легко и при болѣе или менѣе сносномъ уходѣ привыкаютъ къ клѣткѣ и въ Европѣ. А если имъ дадутъ при этомъ свободу и возмож-

ность, то они начинаютъ и въ неволѣ ткать свои гнѣзда, хотя тотчасъ-же ихъ и разрушаютъ. Но когда въ одномъ мѣстѣ соберутъ ткачей много, то они тотчасъ-же принимаются не только за устройство гнѣзда, но и за высиживаніе птенцовъ. Это лишній разъ доказываетъ, что птицы эти общественныя, что онѣ не могутъ жить въ одиночку и веселятъ только тогда, когда ихъ собирается много.

Пѣніе ткачей совсѣмъ плохое. Они свистятъ, пищатъ, скрипятъ и чиркаютъ, но все это у нихъ выходитъ такъ жестко и непріятно, что какъ пѣвчія птицы, они значенія не имѣютъ. Зато, какъ мастера строить себѣ гнѣзда, они не имѣютъ себѣ равныхъ во всемъ птичьемъ мірѣ.

С. Вершининъ.

У БАБУШКИ.

— Ахъ, докторъ, наконецъ - то! воскликнула Анна Ѳедоровна. — Я такъ васъ ожидаю!

— А развѣ случилось что-нибудь очень серьезное? — спросилъ старичекъ - докторъ, тяжело дыша отъ того, что взобрался на третій этажъ.

— Да, докторъ, мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ... Дѣло идетъ о здоровьѣ моей Сони.

— Что-жъ, она лежитъ, у нея большой жаръ?

— Нѣтъ, докторъ; но она какъ-то плохо ѣстъ, не любитъ молока и яицъ и стала какая-то блѣдная, вялая, совсѣмъ не такая, какъ была. Сейчасъ она гуляетъ... Я ее жду каждую минуту.

Докторъ опустился въ кресло и сталъ протирать себѣ очки.

— Стоило-ли безпокоиться изъ-за такихъ пустяковъ?.. — добродушно сказалъ онъ. — Впрочемъ, мы ее осмотримъ... Когда она придетъ, то вы меня проведите къ ней.

Пока докторъ сидѣлъ въ креслѣ, Анна Ѳедоровна смотрѣла на него съ озабоченнымъ видомъ.

— Вчера я получила съ Юга письмо отъ своей тетки, начала она, — съ которой не видалась уже нѣсколько лѣтъ. — Тетя приглашаетъ меня вмѣстѣ съ Соней къ себѣ въ усадьбу, въ Малороссію, погостить мѣсяца два или три. Мнѣ такъ бы хотѣлось...

Но вотъ я не знаю, полезно-ли будетъ это для Сони...

— А почему-же нѣтъ? — спросилъ докторъ.

— Да, знаете-ли докторъ, старинный домъ, старуха-тетка, живущая только для себя и никогда не имѣвшая своихъ дѣтей, — и малѣйшее законное желаніе Сони можетъ показаться ей капризомъ. Кромѣ того, она страдаетъ иногда ревматизмомъ и по цѣлымъ днямъ не выходитъ изъ комнаты, такъ что я боюсь, что моя Соня умретъ тамъ со скуки.

Не успѣла Анна Ѳедоровна сказать эти слова, какъ дверь въ гостиную отворилась и въ нее вбѣжала сама Соня. Это была дѣвочка лѣтъ десяти, довольно высокая для своихъ лѣтъ и совсѣмъ не худая. Ея прекрасные свѣтлые волосы падали ей на плечи и голубые глаза радостно свѣтились; она бросилась къ своей матери, а та нѣжно прижала ее къ себѣ, поцѣловала и затѣмъ молча подвела ее къ доктору.

Старичекъ съ улыбкою притянулъ дѣвочку къ себѣ и поцѣловалъ ее въ обѣ щеки.

— Кажется, мы сейчасъ гуляли? — спросилъ онъ ее. — Отъ нашихъ щекъ такъ свѣжимъ воздухомъ и вѣтъ! Гдѣ ты была?

— Въ скверѣ у Казанскаго собора... отвѣтила Соня, а затѣмъ об-

ратившись къ матери, сказала:—Зачѣмъ у насъ докторъ? Развѣ кто-нибудь боленъ?

Старикъ-докторъ засмѣялся. Аннѣ Ѳедоровнѣ сдѣлалось неловко.

— Ты хочешь знать, зачѣмъ я пріѣхалъ? обратился къ Сонѣ докторъ.—За тѣмъ, чтобы сказать тебѣ радостную новость: ты скоро поѣдешь съ мамой въ Малороссію!

— Въ Малороссію?—воскликнула дѣвочка.—Къ бабушкѣ? Я не желаю туда ѣхать! Бабушка всю свою жизнь прожила одна, не имѣла своихъ дѣтей и страдаетъ ревматизмомъ. Мнѣ тамъ будетъ скучно!

— А развѣ ты когда-нибудь видала свою бабушку?

— Нѣтъ, я не видала ее, но такъ говоритъ моя мама.

Докторъ съ укоризною посмотрѣлъ на Анну Ѳедоровну и покачалъ головою.

— Соня, иди въ дѣтскую! сказала Анна Ѳедоровна.—Скажи фрейлейнъ, чтобы она дала тебѣ позавтракать!

— Только, мама, не яиць и не молока!—отвѣтила Соня. Я ни за что ѣсть не стану!

— Хорошо, хорошо, сказала мама.—Иди, тебѣ ихъ и не дадутъ!

Соня выбѣжала изъ комнаты, а докторъ поднялся со своего кресла и два раза прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вотъ видите, какъ вы портите своихъ дѣтей! сказалъ онъ.—Дѣвочка веселенькая, свѣженькая, ходила гулять, а вы воображаете, что она

больна и посылаете за врачомъ. У другихъ дѣтей не на-что купить чашку молока, чтобы поддержать жизнь и не умереть съ голоду, а у васъ дѣвочка отказывается отъ яиць и молока; у другихъ некуда сунуться на лѣто изъ душнаго Петербурга, а вамъ счастье прямо плыветъ въ руки, васъ приглашаютъ на все лѣто въ Малороссію, а вы начинаете придумывать предлоги, какъ-бы отказаться отъ приглашенія. Развѣ это хорошо?

Анна Ѳедоровна опустила голову.

— Ну, что же мнѣ дѣлать, докторъ, сказала она,—если я такъ боюсь за мою Соню? Мужъ у меня умеръ и кромѣ ея одной у меня нѣтъ ни одной близкой души на свѣтѣ! Если она заболѣетъ или умретъ, то я не переживу.

Докторъ взадъ и впередъ прошелся по комнатѣ.

— Дѣти даже и понятія не должны имѣть о томъ, что такое скука, сказалъ онъ.—Они должны ѣсть все, что питательно и здорово и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ обращать ихъ вниманіе на то, что они блѣдны или похудѣли... Пусть себѣ бѣгаютъ на свободѣ, пусть ѣдятъ вдоволь все и пусть не думаютъ ни о чемъ.

— Такъ вы, значить, совѣтуете ѣхать? спросила Анна Ѳедоровна.

— Не совѣтую, а приказываю, отвѣтилъ докторъ и взялся за шляпу.

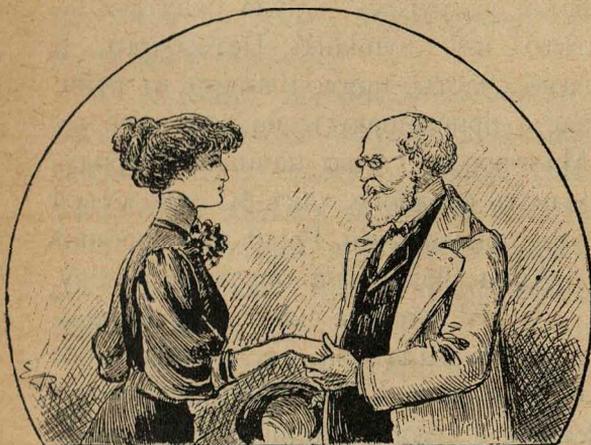
Анна Ѳедоровна глубоко вздохнула.

— Хорошо, докторъ, сказала она.— Я ее повезу къ тетѣ. Но что дѣлать, если она чѣмъ-нибудь заразится въ

вагонѣ, или, приѣхавши къ тетѣ, вдругъ у нея заболѣтъ!

Докторъ засмѣялся.

— Не заразится! воскликнулъ онъ.— Не заболѣтъ! Развѣ не ѣздятъ

— Ахъ, докторъ, наконецъ-то!

дѣти по желѣзнымъ дорогамъ? Развѣ не гостятъ внучки у своихъ бабушекъ? Э, полноте! Да на вашемъ мѣстѣ я прыгалъ-бы теперь отъ радости, что предстоитъ ѣхать въ Малороссію, а на мѣстѣ вашей Сони только-бы и ѣлъ, что одни яйца да молоко! Эхъ, вы, богачи! Не видали вы бѣдности и труда!

И, все еще смѣясь, докторъ простился съ Анной Ѳедоровной и сталъ спускаться по лѣстницѣ внизъ. Здѣсь онъ сѣлъ въ свой экипажъ и покатилъ куда-то влѣво.

Анна Ѳедоровна стала собираться въ путь. Были вытащены изъ чулана корзины и чемоданы, началось укладыванье бѣлья и платьевъ, хлопоты, ахи и охи и наконецъ мать и дочь поѣхали на вокзалъ. Анна Ѳе-

доровна была полна недобрыхъ предчувствій и все ей казалось, что Соня не выдержитъ такого длиннаго пути, или-же заразится по дорогѣ какою-нибудь болѣзною и захвораетъ. И прежде чѣмъ сѣсть въ вагонѣ на диванчикъ, она украдкой вытащила изъ корзинки бутылочку съ карболовой кислотой и попрыскала ею вокругъ. По вагону пронесся струей запахъ дезинфекціи.

«Все-таки лучше будетъ... подумала она.— Мало-ликто здѣсь не ѣздитъ!»

Раздался свистокъ, поѣздъ двинулся въ путь и мало-по-малу Соню стало клонить ко сну. Анна Ѳедоровна достала простыню, одѣяло, подушки, долго устраивала для нея постель и наконецъ уложила Соню спать. Когда

— Кажется мы сейчасъ гуляли?

Соня заснула, она сѣла у нея въ ногахъ и долго не спускала съ нея глазъ.

«Что-то будетъ съ Соней въ дорогѣ? думала она.— Благополучно-ли

мы дождемъ? Бѣдная, бѣдная дѣвочка! Тебѣ придется цѣлое лѣто провести одной, въ старомъ затхломъ домѣ, въ обществѣ одной только старухи-бабушки и ея приживалокъ! Какъ-то ты это перенесешь?»

А тѣмъ временемъ въ усадьбѣ у бабушки тоже шелъ разговоръ и именно о нихъ.

У бабушки Татьяны Максимовны былъ флигель и она сдала его на лѣто внаймы семьѣ одного доктора Васильева, служившаго уѣзднымъ врачомъ въ сосѣднемъ городкѣ. Семья этого доктора состояла изъ жены и шести человѣкъ дѣтей—все малъ-мала-меньше. Самой старшей изъ нихъ, Катѣ, было всего только десять лѣтъ, а младшему мальчику—всего только пошелъ третій годъ; между ними было еще четверо: двое мальчиковъ—Костя и Ника и двѣ дѣвочки—Ксеня и Варя. Ихъ отецъ—докторъ былъ человѣкъ небогатый и нарочно отправилъ ихъ всѣхъ въ деревню на лѣто, чтобы поменьше было расходовъ. Ихъ мама Елена Ивановна всѣхъ ихъ одѣвала и обшивала сама и всякій разъ приходила въ ужасъ отъ того, что они много ѣли.

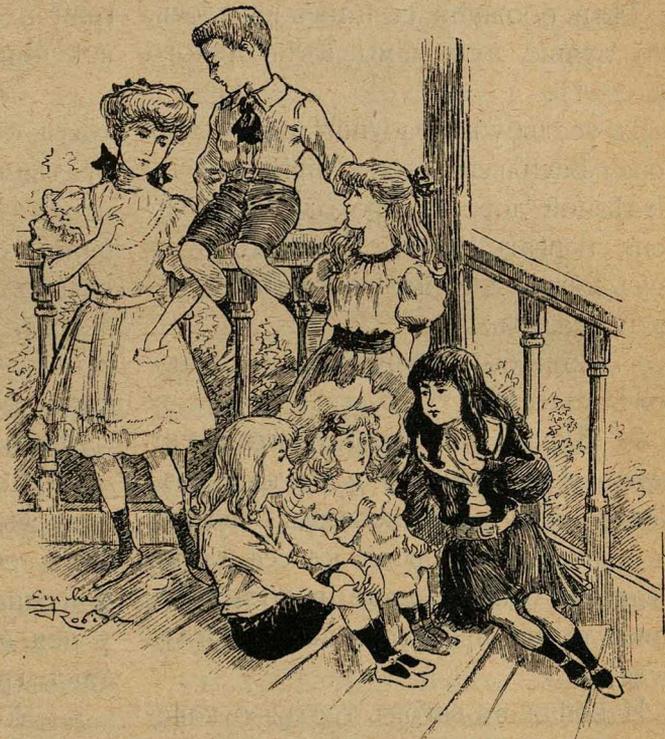
— Костя, иной разъ говорила она,—вѣдь ты уже два яйца съѣлъ.—Довольно съ тебя! Оставь для другихъ!

А въ это время другія дѣти кричали:

— Мамочка, дай намъ молока! Молока хотимъ!

— Мамочка, дай черного хлѣба, ѣсть хочется!

И Елена Ивановна едва успѣвала ихъ одѣлять.

Они усѣлись всѣ на террасѣ своего флигеля.

А случалось и такъ, что кто-нибудь изъ ребятъ разбивалъ себѣ носъ или, ударившись лбомъ обо что-нибудь твердое, украшалъ свою физиономію синякомъ. Раздавался плачь и всѣ бѣжали къ своей мамѣ.

— Ничего, ничего! говорила имъ Елена Ивановна.—Пройдетъ! Если даже и головы у васъ отвалятся, то новыя выростутъ! Васъ такъ много,

что если на каждого изъ васъ обращать вниманіе, то и самой-то на всѣхъ не хватитъ!

И все время ихъ мама была около нихъ, все время для нихъ трудилась, а по вечерамъ читала имъ вслухъ. Старшую-же Катю она сама готовила къ поступленію въ гимназію.

Дѣти обожали ее и имъ казалось, что лучше ихъ мамы нѣтъ никого на свѣтѣ.

Въ усадьбу къ бабушкѣ семья доктора Васильева тоже пріѣхала по желѣзной дорогѣ. Проходя мимо вагона перваго класса и увидѣвъ въ немъ мягкіе диваны, Костя облизнулся и сказалъ:

— Вотъ-бы проѣхаться во второмъ классѣ!

— Ну, да, какъ-же! отвѣтила ему мама.—Прокатишься и въ третьемъ! Какъ всѣхъ васъ шестерыхъ возить въ вагонахъ второго класса, такъ бѣдному вашему папѣ и отдохнуть никогда не придется, все работать будетъ.

И войдя въ вагонъ третьяго класса, всѣ они размѣстились гдѣ попало, потому что была тѣснота и негдѣ было сѣсть къ одному мѣсту всей семьей.

Тутъ же ѣхала какая-то женщина съ больнымъ ребенкомъ. У него былъ жаръ и онъ былъ весь красный и жалобно плакалъ. Дѣтямъ стало жалко его и они обступили его и стали его утѣшать. Еленѣ Ивановнѣ было пріятно, что у ея дѣтей были добрыя сердца.

И теперь, когда бабушка Татьяна Максимовна сообщила ихъ мамѣ, что къ ней должна была пріѣхать гостить еще одна дѣвочка изъ Петербурга, а именно Соня со своей мамой Анной Ѳедоровной, то радостямъ ихъ не было конца. Они усѣлись всѣ на террасѣ своего флигеля и стали мечтать о томъ, какъ всѣ они будутъ съ ней играть.

— Знаете, что? обратилась вдругъ Катя съ таинственнымъ видомъ къ братьямъ и сестрамъ.—У этой дѣвочки Сони, говорятъ, вовсе нѣтъ папы; онъ умеръ, когда ей было только два года, и теперь ея мама съ горя все плачетъ, плачетъ, плачетъ... Такъ что бѣдной Сонѣ никогда не бываетъ весело.

Дѣти глубоко вздохнули.

— Поэтому давайте съ ней будемъ ласковыми, продолжала Катя,—будемъ ей во всемъ уступать. Вѣдь она одна-одинешенька на свѣтѣ: нѣтъ у нея ни братьевъ, ни сестеръ и ей такъ грустно!

— Да ей очень грустно... подтвердилъ и Костя.— Она пріѣдетъ къ хозяйкѣ, а хозяйка старуха и ей будетъ у нея скучно. Давайте просить маму, чтобы она взяла ее къ намъ. Ей съ нами будетъ веселѣе!

— У мамы насъ и такъ много! возразила Катя.— Чѣмъ мы будемъ ее кормить?

— Какъ чѣмъ? удивилась Ксения.— А чернымъ хлѣбомъ и молокомъ? Мы черный хлѣбъ, такъ всѣ любимъ!

— Да, да, закричали дѣти хоромъ. Чернымъ хлѣбомъ и молокомъ!

— И будемъ давать ей яйца! Яйца такія вкусныя, она будетъ очень рада...

И много кой-чего еще хотѣли дѣти предложить своей будущей знакомой. Они старались вообразить себѣ, какая она, на кого она похожа, въ какія игры она умѣетъ играть, а между тѣмъ надъ усадьбой тихо спускалась южная ночь. Въ кустахъ сирени, буйно разбросавшей свои вѣтви въ саду и бывшей въ полномъ цвѣту, запѣлъ соловей и тотчасъ-же ему отвѣтилъ другой соловей на томъ берегу рѣки; зажужжали комары, залетали жуки, закричали хоромъ лягушки и отовсюду потянулся сладкій ароматъ. Въ большомъ домѣ у бабушки Татьяны Максимовны зажгли огонь и вдругъ звонко пробилы часы девять.

— Дѣти, спать пора! крикнула имъ мать.—Уже девять часовъ!

Привыкшіе всегда немедленно исполнять приказанія своей матери, дѣти вскочили со своихъ мѣстъ и побѣжали къ себѣ во флигель. Не побѣжалъ только маленькій Петя: въ пылу разговора онъ нечаянно заснулъ и, свернувшись калачикомъ на ступенькѣ, спалъ крѣпкимъ непробуднымъ сномъ. Катя вернулась къ нему, взяла его на руки, внесла его въ спальную, тихонько его раздѣла и, пока мама возилась съ другими дѣтьми, уложила его въ постельку.

— Спи, мой мальчикъ! сказала она, подражая голосомъ и манерой мамы.—Спи, Господь съ тобою!

А когда они заснули всѣ, за г-жей Васильевой прислали изъ большого дома. Бабушка Татьяна Максимовна получила отъ Анны Федоровны телеграмму, въ которой та извѣщала ее, что пріѣдетъ вмѣстѣ съ Соней завтра утромъ.

— Елена Ивановна, голубушка, обратилась къ ней бабушка Татьяна Максимовна,—будьте такая добренькая, съѣздите завтра на станцію встрѣтить ихъ! Я знаю, вамъ некогда, у васъ цѣлый миллионъ ребятъ, да ужъ какъ-нибудь присмотримъ за ними. Не откажите, милая!.. Вся надежда на васъ...

Елена Ивановна согласилась и, возвратясь къ себѣ во флигель, зашла въ дѣтскую, чтобы перекрестить дѣтей.

— Ты гдѣ была? вдругъ спросила ее Катя.

— Ты еще не спишь? обратилась къ ней мать.—Ну, спи, спи, дорогая моя. Завтра рано вставать.

— А зачѣмъ? спросила ее Катя.

— Мы поѣдемъ съ тобою на станцію встрѣчать Соню съ мамой.

Катя взвизгнула, дрыгнула отъ радости ногой и закрылась одѣяломъ съ головой.

На слѣдующее утро Елена Ивановна и Катя, вставши чуть свѣтъ и проѣхавъ семь верстъ въ экипажѣ,

уже были на станціи и ожидали Анну Ѳедоровну и Соню.

— Какъ-бы намъ ихъ не прозѣвать... говорила Елена Ивановна. — Вѣдь мы ихъ совсѣмъ не знаемъ...

Но вотъ подошелъ поѣздъ, изъ него съ массой вещей вышла какая-то дама въ траурѣ и съ ней дѣвочка лѣтъ десяти. Это Анна Ѳедоровна и Соня. Елена Ивановна съ Катей подбѣгають къ нимъ, знакомятся и выходитъ такъ, точно всѣ онѣ были знакомы уже много лѣтъ. Соня схватила Катю за руку и стала ее тотчасъ спрашивать, кто она, есть ли у нея братья и сестры, какія у нея игрушки и, узнавъ, что у нея только одна маленькая куколка, удивилась и указала на цѣлый сундукъ съ игрушками, который она привезла изъ Петербурга съ собой.

— Ну, ну, поспѣшимъ скорѣе съ багажемъ... обра-

— Катюша, вотъ тебѣ зонтики. Идемте скорѣе!

тилась къ нимъ Анна Ѳедоровна. — Сонечка, бери вотъ эту корзиночку, Катюша—вотъ тебѣ зонтики. Идемте скорѣе!

И четверть часа спустя, онѣ уже сидѣли въ экипажѣ и помягкой дорогѣ катили къ бабушкѣ въ усадьбу.

Всю дорогу дѣвочки весело болтали, тогда какъ обѣ матери вели между собою разговоръ о дѣтяхъ, о трудности ихъ воспитанія и о томъ, какъ много они изнашиваютъ башмаковъ. Когда-же подѣзжали къ усадьбѣ и Соня увидела большія деревья, со всѣхъ сторонъ окружавшія домъ бабушки, и кусты сирени, бывшіе въ полномъ цвѣту, она воскликнула:—

— Вотъ гдѣ хорошо будетъ играть въ прятки!

Между тѣмъ подѣхали ко крыльцу. Изъ двери вышла горничная съ блѣднымъ лицомъ, повидимому, не спавшая цѣлую ночь, а изъ сосѣдняго флигеля высыпали сразу всѣ дѣти.

— Мамочка! Мама! раздавались ихъ голоса. — Веди скорѣе къ намъ эту дѣвочку! Тамъ, въ большомъ домѣ ей будетъ скучно!

— Тише! Тише! крикнула имъ мать.

Горничная тоже съ безпокойствомъ поглядѣла на кричавшихъ дѣтей.

— У старой барыни болитъ високъ... сказала

Горничная шла впереди.

она.—Онѣ не спали цѣлую ночь... Онѣ приказали вамъ сказать, что ждутъ васъ въ своей спальнѣ.

Анна Ѳедоровна и Соня вошли въ домъ. Здѣсь было тихо и казалось, что въ немъ не жиль никто, такъ все въ немъ было уныло и одиноко. Горничная шла впереди и остановившись около одной двери, тихонько стукнула въ нее два раза и отворила.

— Войдите! слышался чей-то голосъ.

Анна Ѳедоровна и Соня вошли въ комнату со спущенными занавѣсками. Въ ней было темно и стоялъ запахъ всевозможныхъ лекарствъ.

— Входите-же! снова слышался голосъ.

— Простите, тетя, отвѣтила Анна Ѳедоровна.— Дневный свѣтъ такъ ослѣпилъ меня, что я не вижу ничего!

И, взявши за руку Соню, она подошла къ высокому креслу, на которомъ въ подушкахъ сидѣла старуха. Не смотря на раннее утро, она была уже одѣта, въ платье, отдѣланное дорогими старинными кружевами. Освоившись съ полумракомъ, Анна Ѳедоровна, разглядѣла на ней драгоценную брошь, которая досталась ей еще отъ ея бабушки.

— Подойдите сюда! сказала старуха.

Вся дрожа, Соня сдѣлала два шага впередъ, но тотчасъ-же спряталась за мать.

Не смотря на раннее утро, бабушка была уже одѣта.

Старуха протянула къ ея мамѣ руки и, не поднимаясь съ кресла, дрогнувшимъ голосомъ сказала:

— Наконецъ-то я вижу тебя, Анюта... А гдѣ-же твоя дѣвочка?

Анна Ѳедоровна подвела къ ней Союю.

Бабушка взяла своими костлявыми руками дѣвочку за обѣ щеки и пристально посмотрѣла ей въ глаза.

— Вся въ своего покойнаго отца... сказала она и горячо поцѣловала ее въ лобъ. — Тѣ-же брови, тѣ-же глаза...

И, обнявши обѣихъ, она вытасила изъ кармана платокъ и поднесла его къ глазамъ.

— Наконецъ-то я васъ вижу... сказала она. — Сколько лѣтъ, сколько зимъ...

Она притянула къ себѣ Союю и крѣпко прижала ее къ своей костлявой груди. Соня въ первый разъ въ жизни такъ близко видѣла такого стараго человѣка и потому неохотно отвѣтила на ея ласки. Къ тому-же она устала съ дороги и плохо чувствовала себя въ темнотѣ.

— Ну, иди, иди... сказала бабушка. — Тамъ, во флигелѣ молодежи много, тебѣ съ ней будетъ веселѣе, чѣмъ со мной...

И еще разъ обнявши ее и ея мать, бабушка приказала горничной провести ихъ въ отведенныя для нихъ комнаты.

— Давно заболѣла тетя? спросила Анна Ѳедоровна горничную, когда онѣ шли по корридору.

— Нѣтъ, только вчера вечеромъ... отвѣтила дѣвушка. — Онѣ хотѣли сами встрѣтить васъ на вокзалѣ, но не могли... Это часто съ ними бываетъ, въ особенности къ дождю...

Она ввела ихъ въ голубую комнату, выходящую окнами въ садъ. Свѣтило солнце и всю ее наполняло своимъ ласковымъ, живительнымъ свѣтомъ. Изъ комнаты дверь вела на балконъ. Соня выбѣжала на него и увидала вокругъ себя старинный паркъ съ массой дорожекъ. Пѣли соловьи и въ деревьяхъ шумѣли птицы и повсюду раздавались ихъ голоса.

— Мама, мама! вдругъ воскликнула Соня. — Поди сюда, посмотри, какъ здѣсь хорошо!

И вслѣдъ затѣмъ у балкона гурьбой появились дѣти доктора Васильева, всѣ шестеро и замахали ей руками.

— Дѣвочка, иди съ нами играть, кричали они ей. — Мы ждемъ тебя! Выходи!

Соня вопросительно посмотрѣла на мать.

— Иди, иди! отвѣтила ей Анна Ѳедоровна. — Только умойся съ дороги и иди!

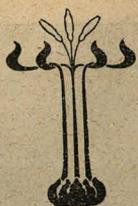
— А какъ-же безъ гувернантки? робко спросила ее Соня.

А дѣти подошли еще ближе и стали еще громче кричать:

— Выходи, дѣвочка! Иди съ нами играть! Мы ждемъ тебя уже давно.

М. П—въ.

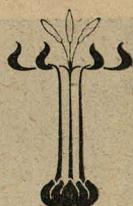
(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧУЖОЕ ИМЯ.

Романъ ¹⁾.

(Продолженіе).

VII.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ похоронъ Генри Тернера. Джоржъ Ваграмъ взялъ веденіе всего дѣла на себя и цѣлые дни теперь сталъ проводить въ конторѣ и въ погребахъ. Ему было трудно одному, но съ помощью Джоя Ладля онъ все-таки кое-какъ успѣвалъ заканчивать къ вечеру всѣ текущія дѣла и ложился спать такимъ усталымъ, что засыпалъ тотчасъ-же, какъ малый ребенокъ. Просыпался онъ рано и едва выпивалъ свой утренній кофе, какъ къ нему уже являлись его прикащики и Джой Ладль и ожидали отъ него распоряженій.

Въ это утро, едва только Джой Ладль выставилъ свою голову въ кабинетъ своего хозяина, какъ можно было уже безошибочно сказать, что случилось нѣчто особенное.

— Что случилось? спросилъ его Ваграмъ.

— Да то, что я оказался пророкомъ! угрюмо отвѣтилъ ему Джой Ладль.— Вѣдь я говорилъ, что не надо было-бы трогать тогда грибовъ въ подвалѣ, вотъ счастье и перемѣнилось. Я уже сорокъ пять лѣтъ состою при этой виноторговлѣ и никогда не случалось ничего подобнаго, а

тутъ вдругъ взяло и случилось. Не въ моемъ характерѣ накликасть бѣду на хозяина, которому я служу, но я считаю своею обязанностью довести это до вашего свѣдѣнія.

— Да что случилось, Джой? воскликнулъ Джоржъ Ваграмъ, уже начинавшій терять терпѣніе.

— А случилось то, отвѣчалъ Джой Ладль,— что сегодня мы раскупорили десять ящичковъ шампанскаго, полученные отъ г-на Крюгера, а въ нихъ вмѣсто шампанскаго оказался простой мужицкій квасъ. Вотъ вамъ и клюква!

Ваграмъ встревожился.

— Ну, а деньги-то вы за эти ящички заплатили? спросилъ онъ.

— Конечно, заплатили! отвѣтилъ Джой Ладль.

— Кому?

— Разумѣется, Крюгеру! Кому-же иначе?

— Ну, а дали-ли вы ему знать, что въ ящичкахъ оказался вмѣсто шампанскаго квасъ?

— Конечно, дали!

— Что-же онъ?

— Онъ отвѣтилъ, что въ такомъ видѣ получилъ эти ящички изъ Швей-

¹⁾ Собственность «Золотого Дѣтства».

Братъ и сестра.

Семья бѣлокъ.

царии отъ Дюфренъ самъ, что туда, моль, онъ въ нихъ не заглядывалъ!

— А деньги онъ вамъ возвратилъ?

— Какое возвратилъ! Онъ сказалъ, что убирайтесь, моль, вонъ. Никакихъ денегъ я вамъ возвращать не намѣренъ. Это, говоритъ, навѣрное, украли на желѣзной дорогѣ...

Было ясно, что Крюгеръ смошенничалъ вдвойнѣ. Онъ взялъ себѣ и шампанское, присланное изъ Швейцарии, и деньги, уплаченные за него Джоємъ Ладлемъ. А чтобы отвести глаза и свалить все на другихъ, онъ замѣнилъ шампанское квасомъ, заколотилъ ящики вновь и послалъ ихъ Джоржу Ваграму. Чтобы не смутить Джоя Ладля, Ваграмъ весело засмѣялся и, потрепавъ его по плечу, сказалъ:

— Ну, это пустяки, мой милый Джой!

— Хороши пустяки! отвѣтилъ погребщикъ.— Человѣкъ бросаетъ кусокъ апельсинной корки на мостовую нечаянно, — это пустяки, — а другой наступаетъ на эту корку, падаетъ и расшибаетъ себѣ голову, — это уже далеко не пустяки. Нѣтъ, г. Джоржъ, нельзя успокаиваться на томъ, что корка валяется на мостовой, а необходимо поднять ее. Также точно нельзя успокаиваться на томъ, что насъ оставили въ дуракахъ, а надо выяснитъ все это недоразумѣніе. Необходимо поймать вора и обличить его, иначе онъ насъ разоритъ такъ, что мы останемся въ однихъ пиджакахъ. Вѣдь мы уплатили за шампан-

ское не гривенникъ, а цѣлыхъ пять тысячъ рублей!

Ваграмъ взадъ и впередъ прошелся по кабинету.

— Что-же, по-вашему, надо сдѣлать? спросилъ онъ.

— Написать къ Дюфренъ, отвѣтилъ Джой Ладль.— Пусть они намъ возвратятъ деньги, а себѣ обратно берутъ этотъ дурацкій квасъ!

Джоржъ Ваграмъ сѣлъ за столъ и написалъ слѣдующее письмо въ Швейцарію къ Дюфренъ:—

«Милостивые Государи! Въ свое время мы получили отъ Васъ письмо, въ которомъ Вы предложили намъ брать ваше шампанское черезъ г. Крюгера и ему-же уплачивать за него деньги. Каково-же было наше удивленіе, когда, получивъ отъ него десять ящиковъ шампанскаго, мы нашли въ нихъ не шампанское, а простой, хлѣбный квасъ. Очень просимъ Васъ возвратитъ намъ обратно уплаченные нами деньги, или-же замѣнить квасъ настоящимъ шампанскимъ».

Отправивъ это письмо на почту, Ваграмъ тотчасъ-же забылъ и о немъ, и о дѣлѣ, по поводу котораго оно было написано. У него было о чемъ подумать гораздо болѣе важномъ и онъ весь ушелъ въ свою работу, не имѣя даже времени поѣсть и попить.

Маргарита не видала его цѣлые дни и очень скучала по немъ и если-бы не Джемми, которая старалась развлечь ее, какъ родное дитя, то она еще болѣе чувствовала-бы себя одинокой. И только по вечерамъ,

когда вся торговля запиралась, Джой Ладль выползалъ изъ своихъ подваловъ, робко вплывалъ къ ней въ дѣтскую и, покраснѣвъ и опустивъ глаза, какъ малый ребенокъ, вытягивался во весь ростъ у двери.

— Я къ вамъ, барышня... говорилъ онъ.

— Джой! Джой! радостно взвизгивала Маргарита и бросалась къ нему на шею.

Онъ опускался на колѣни и начиналъ вмѣстѣ съ ней играть въ ея куклы или-же вооружался огромными ножницами, просовывалъ въ нихъ свои толстые, какъ у мастодонта, пальцы и съ нею вмѣстѣ по цѣлымъ часамъ, громко сопя, вырѣзывалъ изъ иллюстрацій картинки. Такіе вечера обыкновенно заканчивались такъ: Маргарита ему пѣла, а онъ доставалъ изъ кармана красный клѣтчатый платокъ, сморкался въ него такъ, что дрожалъ весь домъ, и съ заплаканными отъ умиленія глазами уходилъ на свою половину.

Время шло, дни приходили и проходили и наконецъ на десятый день послѣ того, какъ Ваграмъ написалъ въ Швейцарію письмо, пришелъ на него отвѣтъ отъ Дюфренъе.

Вотъ что писалъ Дюфренъе:

«Милостивые Государи. Никакого Крюгера мы не знаемъ и никакихъ порученій мы ему не давали. Ясно, что вы имѣли дѣло съ воромъ. Но такъ какъ и другіе наши лондонскіе покупатели тоже жалуются, что и ихъ тоже обобралъ этотъ негодяй,

то мы очень просимъ Васъ помочь намъ уличить его и предать его суду. Поэтому мы просимъ Васъ доставить намъ то письмо, которое Вамъ было прислано будто-бы отъ насъ. Оно—фальшивое и подпись въ немъ несомнѣнно поддѣлана подъ нашу. Это письмо мы и представимъ въ судъ для привлеченія къ отвѣтственности Крюгера. Это—единственное доказательство противъ него и онъ несомнѣнно приметъ всѣ мѣры, чтобы отнять его у Васъ и уничтожить. Поэтому мы убѣдительно просимъ Васъ не посылать его по почтѣ. Доставьте его намъ, не теряя времени, черезъ какого-нибудь вѣрнаго человека, привыкшаго путешествовать, смѣлаго, честнаго и главное—такого, котораго не могли-бы опохитить въ дорогѣ. Положительно никому не говорите, что именно съ этимъ человекомъ Вы посылаете намъ это письмо. Не рискуйте ни однимъ днемъ, такъ какъ невозможно даже сказать, какіе громадныя убытки произойдутъ и для Васъ и для насъ, если мы вѣремя не успѣемъ задержать этого Крюгера».

Ваграмъ утеръ себѣ лобъ. Этого ужъ онъ никакъ не могъ ожидать. Такъ, значитъ, Крюгеръ поддѣльватель и воръ! Не даромъ-же съ самой встрѣчи съ нимъ еще въ юные годы въ Швейцаріи Ваграмъ чувствовалъ къ нему какою-то тайную неприязнь.

Но кого послать съ письмомъ Крюгера въ Швейцарію къ Дюфренъе? Конечно, при виноторговлѣ Ваграма

было нѣсколько отважныхъ и безусловно честныхъ людей. Но вѣдь нуженъ былъ человѣкъ, привыкшій путешествовать, знающій французскій языкъ и способный не поддаться ничему влиянію на пути? Одинъ только человѣкъ былъ подъ-рукою, соединявшій въ себѣ всѣ эти условія, и человѣкъ этотъ былъ самъ Джоржъ Ваграмъ.

Трудно было оторваться отъ дѣлъ, еще труднѣе было пускаться въ такой отдаленный путь, но сознание, что у него пропали даромъ пять тысячъ рублей, заставило Ваграма рѣшиться.

— Надо ѣхать, проговорилъ онъ.— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

И вызвавъ къ себѣ Джемми, онъ объявилъ ей, что уѣзжаетъ сегодня же съ вечернимъ поѣздомъ и приказалъ ей укладываться.

Прибѣжала Маргарита, увидѣла чемоданы и, полная удивленія, бросилась къ дядѣ.

— Ты куда ѣдешь? спросила она его.

— Въ Швейцарію, мой другъ,— отвѣчалъ онъ ей,—въ Невшатель.

Она бросилась къ нему на шею.

— Дядечка, милый, сказала она,— возьми и меня съ собой! Я увижу свою родину, побѣгаю тамъ по травѣ!

— Нельзя, мой другъ, отвѣчалъ ей Ваграмъ.—Сейчасъ зима, мнѣ придется, быть можетъ, пѣшкомъ переходить черезъ Альпійскія горы, а съ тобой это невозможно. Ты останешься

здѣсь съ Джемми, вы будете ожидать моего возвращенія, а когда я приѣду, то я сведу тебя въ театръ.

Она заплакала, надула губки и сѣла въ уголокъ.

Насталъ вечеръ. Ваграмъ отперъ несгораемый шкафъ, досталъ изъ него письмо Крюгера, положилъ его въ бумажникъ, а бумажникъ сунулъ къ себѣ въ боковой карманъ. Затѣмъ онъ одѣлся, надѣлъ перчатки и пальто и подошелъ къ Маргаритѣ.

— Ну, прощай, моя дѣвочка! обратился онъ къ ней.—Пора уже и на поѣздъ...

Она выскочила изъ своего уголка, бросилась къ Ваграму на шею и долго не выпускала его изъ объятій.

— Не ѣзди! сказала она наконецъ.—Ты помнишь, какъ тебѣ на грудь свалились грибы?

Ваграмъ усмѣхнулся, поцѣловалъ ее въ губы, простился съ Джемми и уѣхалъ на вокзалъ.

— Дядя, дядя! крикнула ему вслѣдъ Маргарита.—Вернись! Ты позабылъ на столѣ какое-то письмо!

Но Ваграмъ не слышалъ ея и скоро его экипажъ отѣхалъ отъ крыльца и потерялся вдали въ толпѣ другихъ такихъ-же экипажей, ѣхавшихъ по улицѣ.

Это было то самое письмо, которое только утромъ получилъ Ваграмъ отъ Дюфренъ и въ которомъ Дюфренъ называлъ Крюгера воромъ и просилъ Ваграма немедленно приѣхать или прислать кого-нибудь въ Швейцарію.

— Оставь письмо на столѣ, Маргарита, обратилась къ дѣвочкѣ Джемми.— Здѣсь все равно его никто не возьметъ. А прїдетъ дядя, онъ и уберетъ его къ себѣ въ шкафъ.

Джемми ушла распорядиться по хозяйству, а Маргарита взяла книжку, усѣлась все въ томъ-же уголку и стала разсматривать картинки.

Послышались чьи-то тяжелые шаги и въ кабинетъ вошелъ кто-то чужой.

Дѣвочка подняла голову и увидала передъ собою какого-то мужчину.

Это былъ Крюгеръ.

— Могу я видѣть вашего дядю?— ласково спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, отвѣтила Маргарита,— онъ только полчаса тому назадъ уѣхалъ.

— Какая досада! воскликнулъ Крюгеръ.— А я пришелъ къ нему посидѣть съ нимъ вечерокъ!

— Но онъ уѣхалъ... повторила дѣвочка.

Глаза Крюгера скользнули по письму Дюфренъе. Онъ вздрогнулъ.

— А куда онъ уѣхалъ? спросилъ онъ Маргариту.

— Въ Швейцарію, въ Невшатель... отвѣтила дѣвочка и доверчиво посмотрѣла ему въ лицо.

— Какая досада! еще разъ сказаль Крюгеръ и, опустившись точно отъ усталости на стулъ передъ письменнымъ столомъ, сталъ перечитывать позабытое Ваграмомъ письмо.

Прочитавъ его отъ слова до слова, онъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и затѣмъ медленно сложилъ его и положилъ къ себѣ въ карманъ.

— Это письмо дяди, а не ваше! воскликнула Маргарита.

— Не твое дѣло! крикнулъ на нее Крюгеръ.

— Отдайте его сюда! Это дядино письмо, а не ваше!

— Замолчи! пригрозилъ онъ ей.— Не твое дѣло!

— Няня! Няня! Джемми! стала кричать Маргарита и вскочила съ мѣста.— Идите сюда скорѣе! Идите скорѣй!

Онъ схватилъ ее за руку, сверкнулъ на нее глазами и снова отбросилъ ее туда, гдѣ она сидѣла.

— Я уничтожу тебя, если ты еще хоть разъ посмѣешь пикнуть! прошепталъ онъ такимъ шопотомъ, отъ котораго у нея пробѣжалъ морозъ по кожѣ.

Она испугалась, не сказала больше ни слова, а онъ вынулъ изъ кармана отмычку, отперъ ею несгораемый шкафъ, куда Ваграмъ пряталъ свои бумаги, и долго-долго шарилъ въ немъ, стараясь отыскать въ немъ то именно письмо, которое Ваграмъ увезъ съ собою въ Швейцарію.

— Понимаешь, дѣвочка? обратился онъ вдругъ къ Маргаритѣ.— Я долженъ погибнуть или уничтожить доказательство, которое увезъ съ собою твой дядя къ Дюфренъе! Я уничтожу его, даже если-бы для этого пришлось мнѣ погибнуть самому или погубить твоего дядю!

И сверкнувъ глазами, онъ положилъ бумаги обратно въ шкафъ, заперъ его и крупными, но едва слыш-

ными шагами вышелъ изъ кабинета вонъ.

Черезъ десять минутъ, окончивъ свои дневныя занятія, къ Маргаритѣ пришелъ играть въ куклы Джой. Увидавъ ее блѣдную и дрожавшую, съ большими испуганными глазами, онъ бросился къ ней и сталъ ее спрашивать о причинѣ. Но она была такъ испугана, что ничего не могла отвѣтить.

— Здѣсь кто-нибудь былъ сейчасъ чужой? спросилъ у нея Джой Ладль.

Она утвердительно кивнула ему головой.

— Кто-же именно? Вы знаете его? Вы видѣли его хоть разъ?

Она собралась съ силами и вдругъ стала громко плакать.

— Нѣтъ, отвѣтила она наконецъ, — я его не знаю, но онъ грозился убить моего дядю Джоржа!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

У одного помѣщика былъ попугай, который любилъ повторять всѣ тѣ фразы и слова, какія долетали до него изъ разговоръ людей. На этого помѣщика свалилось несчастье; онъ былъ долженъ князю Кречинскому, не уплатилъ ему долга въ срокъ и князь Кречинскій рѣшилъ продать его имѣніе, а самого его выселить оттуда вонъ.

— Господи Боже нашъ, что съ нами будетъ?—въ страхѣ повторялъ помѣщикъ и то и дѣло хватался въ отчаяніи за голову. — Господи Боже нашъ, что съ нами будетъ? Куда мы дѣнемся?

Узнавъ объ его горѣ, къ нему пріѣхалъ его сосѣдь и сталъ его спрашивать, въ чемъ дѣло. Но помѣщикъ былъ такъ разстроенъ, что ходилъ самъ не свой по комнатамъ и все восклицалъ:

— Князь Кречинскій! Ахъ, князь Кречинскій! Что-же это за князь Кречинскій? Господи Боже нашъ, что съ нами будетъ!

— Ну, полно!—старался утѣшить его сосѣдь.—Успокойся... Давай лучше выпьемъ за компанію!

— За компанію, за компанію! сталъ повторять помѣщикъ.—А куда дѣвать ся-то, вотъ ты мнѣ что скажи! Ахъ, князь Кречинскій, князь Кречинскій!..

Эти фразы «Господи Боже нашъ, что съ нами будетъ», «Князь Кречинскій» и «За компанію» подслушалъ попугай и заучилъ ихъ.

Вскорѣ затѣмъ явились въ усадьбу къ помѣщику судебный приставъ и понятые и продали съ молотка все его имѣніе за долгъ князю Кречинскому. Когда вещи выносили изъ дому, то вынесли и попугая. Дверца въ клѣткѣ оказалась незапертой, онъ вы-

сочилъ изъ нея и улетѣлъ. Узнавъ объ этомъ помѣщикъ напечаталъ въ газетѣ объявленіе съ просьбой доставить ему этого попугая, если кто его найдетъ.

Прошла недѣля. Одинъ мужикъ отправился на охоту, раскинулъ сѣть и сталъ ловить птицъ. Когда ихъ наловилось много, онъ собралъ ихъ всѣхъ въ мѣшокъ, перекинулъ мѣшокъ черезъ плечо и пошелъ къ себѣ домой. Дома ждала его жена.

— Ну, жена, обратился къ ней мужикъ и свалилъ свою ношу на полъ,— я принесъ тебѣ дичи... Много птицъ!.. Ты ихъ зарѣжь, ощибли, изжарь и свари!

Вдругъ въ мѣшкѣ раздался гулъ:

— Господи Боже нашъ, что съ нами будетъ?

— Кто тамъ?—въ испугѣ спросилъ мужикъ.

— Князь Кречинскій! — послѣдовалъ отвѣтъ.

— Какъ ты сюда попалъ?

— За компанію!..

Мужикъ испугался, схватилъ мѣшокъ и бросился съ нимъ бѣжать вдоль деревни.

— Куда ты?—Куда ты?—кричали ему вслѣдъ.

Но онъ не слушалъ никого и бѣжалъ къ дьячку.

— Не до васъ... отвѣчалъ онъ впопыхахъ.—У меня завелась въ мѣшкѣ нечистая сила... Я бѣса поймалъ!

А когда онъ прибѣжалъ къ дьячку, то засталъ его за чтеніемъ газеты. Дьячекъ читалъ именно то самое объявленіе о попугаѣ, которое напечаталъ помѣщикъ. Вытащивъ изъ мѣшка попугая, оба они отправились къ помѣщику и получили отъ него вознагражденіе за находку.

— А все-таки это нечистая сила, продолжалъ думать мужикъ, когда они вернулись домой. — Не можетъ быть, чтобы среди птицъ были графы да князья!

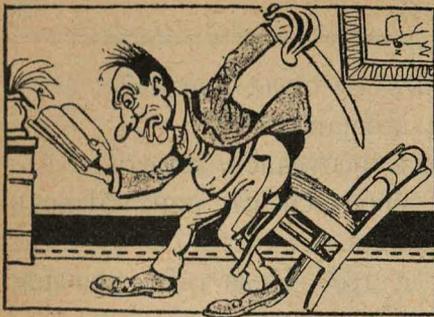

ИСТОРИЯ КУКЛЫ.

(Для малышей).

Мои волосы были прелестнаго каштановаго цвѣта, а на моихъ фарфоровыхъ миловидныхъ глазкахъ были нарисованы голубые зрачки, бровки и рѣсницы были наведены черной краской посредствомъ тоненькой кисточки. Губки у меня были розовыя, полуоткрытыя и мастеръ сдѣлалъ

такъ, что онѣ улыбались и изъ-за нихъ были видны зубки. Платье на мнѣ было шелковое, зеленаго цвѣта, сшитое изъ лоскутковъ, оставшихся отъ платья тети Оли. Она достала ихъ изъ сундука и дала ихъ моей хозяйкѣ, дѣвочкѣ Сонѣ, которой меня подарили на елку. Это платье было

1. Одинъ господинъ очень увлекался чтениемъ про приключенія Робинзона Крузо.

2. Наконецъ онъ рѣшился самъ отправиться въ путешествіе на необитаемый островъ.

3. Но такъ какъ по близости необитаемаго острова не нашлось, то онъ взлѣзъ на трубу и вообразилъ себя среди океана.

4. Дымъ пересталъ выходить изъ трубы и хозяйкѣ пришлось самой взлѣзть на крышу и принять мѣры.

5. Но мечты о необитаемомъ островѣ не оставляли его. Часто во снѣ онъ видѣлъ Робинзона и завидовалъ ему.

6. Наконецъ онъ рѣшился. Онъ стащилъ у жены бадью и

7. — сѣлъ въ нее и поплылъ въ ней по рѣкѣ.

8. Скоро онъ достигъ небольшого камня и вылѣзъ на него.

9. Здѣсь онъ вообразилъ себя на необитаемомъ островѣ.

10. Но такъ какъ Робинзонъ ходилъ въ рубищѣ, то сталъ дѣлать на себѣ рубище и онъ.

11. Робинзонъ питался травой; сталъ питаться ею и онъ.

12. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока жена не нашла его и не повела его домой.

СЧАСТЬЕ.

Какъ тепло! Въ природѣ нѣга,
 Не прохладно и не зной,
 Тега-тега-тега-тега,
 Гуси милые домой.

Цѣлый день подъ небесами,
 Такъ привѣтливо весной,
 Только съ вами, гуси, съ вами,
 И не скучно мнѣ одной.

Отчего-жъ я не скучаю,
 Отчего я слезъ не лью?
 Отчего заботъ не знаю
 И пою, пою, пою?

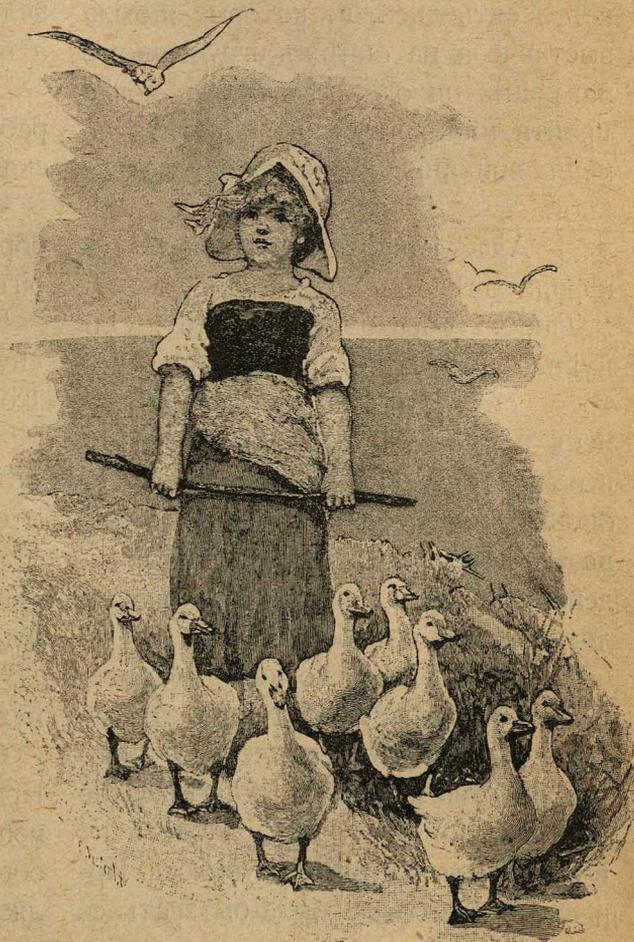
Оттого, что безъ изытъя
 Все роднымъ считаю я,
 Для меня всѣ люди-братъя,
 Звѣрь и птичка — мнѣ друзья.

Я люблю ходить по травкѣ,
 Птичкѣ помощь оказать,
 Помогать жучку, козявкѣ
 На цвѣтокъ иль кустъ взлѣзть.

Я люблю прильнуть къ ромашкѣ,
 Ароматъ ея вдыхать,
 Или бабочкѣ, букашкѣ
 Свою сказку рассказать.

Иль бесѣдовать часами
 Съ вами, гуси, на лугу...
 Что-же страннаго, что съ вами
 Быть счастливой я могу?

Fée des Roses.

отдѣлано черными кружевами. Башмаки мои были изъ настоящей кожи и снимались. Руки и шея у меня были открыты, а пальцы сдѣланы такъ, что большой палецъ совершенно отдѣлялся отъ другихъ, тогда какъ этого никогда не бываетъ у другихъ, болѣе дешевыхъ куколъ. На щечкахъ у меня игралъ яркій румянецъ и за всѣ десять дней, въ которые я была выставлена на окнѣ въ игрушечномъ магазинѣ, ни одна дѣвочка не могла пройти мимо, чтобы не обратить на меня вниманія и не залюбоваться мной.

— Ахъ, какая хорошенькая! говорили онѣ.

Такимъ образомъ, когда тетя Оля купила меня и подарила меня Сонѣ, то я смѣло могла надѣяться, что меня не будутъ одѣвать въ ситцевыя платья и не будутъ держать на окошкѣ подъ палящими лучами солнца. И дѣйствительно, въ первый-же день Соня взяла меня съ собою гулять на морской берегъ.

Я называю мою хозяйку попросту Соней, но вы не думайте, что это потому, что я дуюсь на нее за то, что впоследствии произошло. Она вовсе не виновата ни въ чемъ и даже и не подозрѣвала того, что случилось. Конечно, я должна была-бы звать ее «мамой», но она сама относилась ко мнѣ такъ, какъ къ подругѣ и была очень похожа на хорошенькую куколку.

Ея братъ Костя дѣлалъ корабликъ. Глядя на это суденышко, я

никогда не могла бы подумать, что оно будетъ способно плавать. Но онъ отнесъ его на слѣдующій день къ какому-то мастеру, и тотъ подправилъ его такъ, что оно стало неузнаваемымъ. Затѣмъ дядя Коля поставилъ на немъ мачту и натянулъ на него ниточки, а няня сшила для него паруса, но Костѣ почему-то казалось, что все это сдѣлалъ онъ самъ, а не другіе.

Затѣмъ Костя и Соня понесли корабликъ къ морю и стали его пускать.

— Отвяжи его отъ веревочки, обратилась Соня къ Костѣ,—пусть онъ поплыветъ самъ!

Костя отвязалъ отъ кораблика шнурочекъ и спустилъ его на воду. Корабликъ поплылъ превосходно.

— Какая жалость, сказалъ одинъ изъ ребятъ, кажется, Жоржикъ,—что мы не можемъ на немъ поплавать!

— Да, вздохнулъ и Костя,—онъ едва-ли можетъ выдержать даже и куклу!..

— А ну-ка попробуемъ! воскликнулъ Жоржикъ.

Они посадили меня на корабликъ. При этомъ они даже не привязали меня къ мачтѣ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно на настоящихъ корабляхъ съ женщинами, когда начинается буря. Они просто втиснули меня въ мое шелковомъ зеленомъ платьѣ прямо внутрь кораблика и оттолкнули его отъ берега.

— Ура! закричалъ Костя.—Похали!

— Какъ красиво! воскликнула Соня.— Точно по-настоящему!

— Вотъ такъ путешественница!— крикнулъ и Жоржикъ.

А затѣмъ Жоржикъ подумалъ и сказалъ:

— А она не утонетъ? Посмотрите, какъ она растопырила руки и ноги!

Я уважаю его за эти его слова: этимъ онъ выразилъ ко мнѣ сожалѣніе и доказалъ, что онъ настоящій мужчина, умѣющій заботиться о женщинахъ.

Между тѣмъ подулъ вѣтеръ и началась качка. Это былъ тяжелый моментъ моей жизни, котораго я никогда не позабуду. Мнѣ въ одинъ мигъ припомнилось все то, что я видѣла когда-то въ игрушечной лавкѣ, припомнились тѣ восторженные восклицанія проходившихъ мимо дѣтей, которыя я слышала черезъ стекло, сидя въ окнѣ магазина, и горячія ласки Сони—и я горько заплакала. Люди думаютъ, что мы, куклы, не умѣемъ вовсе плакать, но это невѣрно. Мы плачемъ очень часто, въ особенности, когда внесутъ въ комнату самоваръ и отъ его пара вдругъ сразу сдѣлается мокрымъ наше лицо. Это отъ слезъ.

Мое путешествіе, казалось, тянулось цѣлые вѣка, такъ я боялась. Ужасное безпокойство овладѣло всѣми моими членами. Каждую минуту я ждала своей гибели. Я хотѣла обратиться съ просьбой къ капитану высадить меня на берегъ, но ника-

кого капитана на корабликѣ не было. Я была совершенно одна.

Вѣтеръ продолжался и парусъ, сшитый няней, надулся, какъ пузырь. Въ слѣдующій затѣмъ моментъ я свалилась прямо въ воду и стала барахтаться въ ней, желая спастись. Дѣти все еще находились на берегу, но они ничего не могли для меня сдѣлать, такъ какъ вѣтромъ меня отнесло отъ нихъ далеко. Костя сталъ кричать, Жоржикъ какъ-то дико завылъ, а лицо Сони поблѣднѣло отъ страха. Я готовилась уже утонуть, когда на берегу вдругъ явилось какое-то громадное лохматое созданье. Оно лаяло, а какой-то молодой человѣкъ наускивалъ его и указывалъ ему на меня. Животное это вбѣжало вдругъ въ воду, подплыло ко мнѣ и схватило меня зубами прямо за талію. Я лишилась чувствъ. А когда я пришла въ себя, то увидѣла, что лежу на пескѣ у ногъ этого юноши, хозяина этого дикаго звѣря.

Затѣмъ ко мнѣ подбѣжала Соня, подняла меня съ земли за ногу и стала стряхивать съ меня воду. Я была мокра, какъ курица, и вода струилась съ меня цѣлыми ручьями. Но вмѣсто того, чтобы пожалѣть меня и прижать меня къ себѣ, Соня стала ласкать этого лохматаго звѣря, который такъ неделикатно вынесъ меня на берегъ изъ воды. Этотъ звѣрь оказался, какъ я потомъ узнала, собакой. Онъ умѣлъ громко лаять и, говорятъ, умѣлъ выражать свое удовольствіе хвостомъ.

Соня понесла меня домой. Няня отпоролa мою голову отъ туловища, тоже сдѣлала съ руками и съ ногами, что прошло для меня совершенно безболѣзненно. Этимъ мы, куклы, отличаемся отъ людей, которые, если имъ отрѣзать голову, немедленно умираютъ. Послѣ этого она высушила мое тѣло, насыпала въ него новыхъ сухихъ опилокъ и снова пришила къ нему мою голову, руки и ноги. Такимъ образомъ я выздоровѣла отъ той ванны, которую мнѣ пришлось принять въ морѣ. Но

румянецъ уже совершенно исчезъ съ моего лица, такъ какъ краска съ него смылась въ водѣ, а мои, когда-то чудные волосы, спутались комкомъ и ихъ уже нельзя было больше расчесать.

Теперь Соня уже не шила мнѣ новыхъ платьевъ и уже не любила меня такъ, какъ любила раньше, когда я была молода и хороша. Я долго ожидала, когда она начнетъ опять мною играть, но она сунула меня въ ящикъ комода, и я пролежала тамъ цѣлые часы и дни. А по-

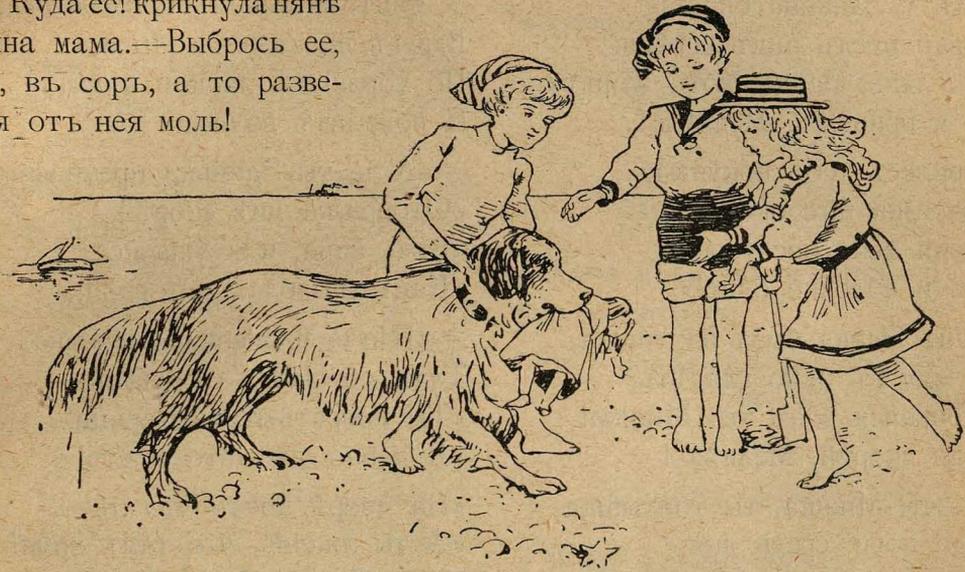

томъ няня вынула меня изъ комода и сказала:

— Ишь, какъ краска-то съ тебя облѣзла! Надо послать тебя къ моей внучкѣ въ деревню. Тамъ и такой дряни будутъ рады!..

И она положила меня къ себѣ въ сундукъ, въ которомъ пахло листовымъ табакомъ и нафталиномъ. Я долго чихала, а когда меня вынули наконецъ изъ сундука, чтобы отослать въ деревню къ няниной внучкѣ, то оказалось, что моль съѣла на моей головѣ волосы.

— Куда ес! крикнула нянѣ
Сонина мама.—Выбрось ее,
няня, въ сорь, а то разве-
дется отъ нея моль!

Няня сорвала съ меня остатки мо-
его парика, выбила изъ меня пыль и
сунула меня къ себѣ въ карманъ.

— Ничего, барыня, сказала она.—

Въ деревнѣ и такая пригодится! Не
бросать же ее въ помойное ведро!

И меня отправили въ деревню.

Е. Несбитъ.

ЗАЙКА И КОТИКЪ.

Жиль однажды съ Зайкой Котикъ,
Былъ и домикъ у нихъ свой,
Котикъ гладилъ лапкой ротикъ,
А нашъ Зайка былъ косой.

Вотъ однажды Котикъ милый,
Чтобъ дичинки припасти,
И чтобъ Зайкѣ ѣсть что было,
Вздумалъ въ лѣсѣ одинъ уйти.

И сказалъ онъ другу-Зайкѣ:
— «Я уйду, а ты сиди,
«Но смотри не выльзай-ка,
«И въ окошко не гляди,

«А не то—тебя за ушки
«Изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ,
«Изъ родименькой избушки
«Волкъ утащитъ и заѣстъ.

«Ты вѣдь, зайныка, радушный,
«И готовъ всѣмъ отворять...
«Будь же паинька, послушный,
«Никого не смѣй впускать».

Котикъ вышелъ, а нашъ Зайка
Заперся, и ну сидѣть.
Вдругъ онъ видитъ—на лужайку
Выльзаетъ самъ Медвѣдь.

Всталъ у Зайкина окошка
И давай предъ нимъ ревѣть:
—«Выглянь, Зайка, хоть немножко,
«Это я пришелъ, Медвѣдь!»

«Я принесъ тебѣ покушать...
«Отвори-ка мнѣ окно,
«Выходи меня послушать,
«Вотъ и яблочко одно!»

А нашъ Зайка былъ плутишка,
«Что ему въ окно глядѣть?
—«Убирайся вонъ ты, Мишка!
«Уходи скорѣй, Медвѣдь!»

«Ахъ, ты Мишка, ты топтышка,
«Среди ночи, среди дня,
«Ты плутуешь, ты воришка,
«Ты сейчасъ же съѣшь меня!»

Испугался косолапый,
Испугался и умолкъ.
Прочь ушелъ. И вотъ культяпый
Подбѣгаетъ къ Зайкѣ Волкъ.

—«Отопри мнѣ, длинноухій!
«Не ручаюсь за себя!
«Красну Шапочку съ старухой
«Я ужъ съѣлъ, и съѣмъ тебя!»

Испугался Зайка милый
Притаился, и молчить...
А нашъ Волкъ вдругъ изъ всей силы
На него какъ закричить:—

—«Отопри сейчасъ же, Зайка!
«Долго-ль ждать мнѣ у воротъ?
«Ну, скорѣе выльзай-ка,
«И живѣй садись мнѣ въ ротъ!»

Испугался, и въ капусту
Бѣдный Зайка нашъ залѣзъ...
Видитъ Волкъ—въ избушкѣ пусто
И ушелъ обратно въ лѣсъ.

А тѣмъ временемъ приходитъ
Вдругъ проказница Лиса,
По мордашкѣ лапкой водить
И помадить волоса.

—«Ахъ, ты Заинька прекрасный,
«Отопри-ка мнѣ скорѣй,
«Вѣдь зима, и я ужасно
«Какъ иззябла... Отогрѣй!»

—«Нѣтъ, проказница Лисица»,
Тутъ ей Зайка отвѣчалъ,—
«Ты поврать-то мастерица,
«Я давно ужъ это зналъ!»

«На дворѣ почти что лѣто,
«А ты лжешь, что тамъ зима!
«Ну, не подло-ли все это?
«Посуди-ка ты сама!»

Видитъ Лиска, что завралась,
И, не солоно хлѣбавъ,
Поскорѣе въ лѣсъ убралась,
Хвостъ пушистый подобравъ.

А тѣмъ временемъ нашъ Котикъ,
Все объ Заинькѣ родномъ
Хлопоча, открылъ свой ротикъ
И запѣлъ передъ окномъ:

—«Милый Заинька, добрый Заинька,
«Ушки длинные, лапки гладкія,
«Отвори окно, полно баиньки,
«Я принесъ тебѣ груши сладкія»...

И обрадовался Зайчикъ,
Что вернулся къ нему Котъ,
Отперъ дверь черезъ сарайчикъ,
И въ избу его ведетъ.

Стали вмѣстѣ груши кушать...
Зайка много получилъ!
И тутъ началъ Котикъ слушать,
Какъ послушнымъ Зайка былъ.

АРИФМОГРАФЪ № 1.

Задуманное слово состоитъ изъ двѣнадцати буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12.

Буквы 4. 6. 5. 4. 1 означаютъ головной уборъ, 8. 3. 9. 3. 11. 10—растение, 8. 9. 10. 11. 1—то, что изъ этого растенія готовятъ, 11. 10. 9. 10. 7. 12—хищную птицу, 2. 10. 7. 8. 10. 7. 12—очень большой городъ за-границей, 11. 1. 4. 5. 6—то, что даетъ блескъ, 2. 3. 8. 10. 4. 10. 2. 12—судно, необходимое въ морѣ зимой, 4. 10. 9. 10. 11. 1—домашнее животное, 11. 10. 8. 10. 7. 10. 5. 12—то, на чемъ носятъ воду; 11. 10. 5. 4. 12—произведеніе насѣкомаго; 10. 11. 3. 5. 12—хлѣбное растеніе.

Отгадать эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе русскаго города недалеко отъ Москвы.

АРИФМОГРАФЪ № 2.

Слово состоитъ изъ 8 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. Буквы 3. 2. 1. 4 означаютъ казачье вооруженіе; 5. 4. 3. 2. 5. 4—принадлежность фехтованія; 1. 4. 5. 3. 8—рыбу или мужское имя; 5. 4. 6. 7. 4—женское имя; 3. 4. 5. 1. 8—мѣсто гулянья; 5. 6. 7. 8—хлѣбное растеніе; 1. 2. 5. 8—персидскаго царя; 1. 2. 3. 5. 8—островъ; 2. 5. 6. 7. 8—цвѣтокъ. Найти эти слова и задуманное слово, ко-

торое означаетъ дерево, растущее въ теплыхъ краяхъ.

(Предложилъ Андрюша Федотовъ
Донской казачекъ).

ШАРАДА-ШУТКА.

Какъ изъ 2-хъ животныхъ составить напитокъ?

(Предложилъ Андрюша Федотовъ
Донской казачекъ).

ГОЛОВОЛОМКА № 1.

Какіе цвѣты, овощи и плоды заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Боленъ Вася; нѣтъ у Васи лекарства, нечѣмъ ему лечиться.

2) Ванька и Машка затѣяли играть въ перегонки; скоро Машка бѣгаетъ, такъ что Ванькѣ и не догнать.

3) При Екатеринѣ II хотѣла побѣдить насъ Турція, да не смогла.

4) Сквозь кусты кваканье лягушки раздастся.

5) Туманъ спустился съ горъ, охвативъ собою всю долину.

6) Послѣ весеннихъ холодовъ окрѣпъ картофель настолько, что поспѣлъ уже къ Петрову дню.

7) Щи съѣдены, чашка пуста и ложки лежатъ на столѣ.

8) Яркая полоса латъ и щитовъ на войскахъ Димитрія Донскаго сверкала на солнцѣ.

9) Недаромъ рябчикъ рябъ, иначе его замѣчали-бы хищныя птицы и съѣдали-бы его.

10) Кругомъ нашего города построилось много фабрикъ; остались одни только болота, такъ что и гулять теперь негдѣ.

11) Умоляя о пощадѣ, индусъ билъ себя въ перси, къ вискамъ прижималъ кулаки и лилъ горькія слезы.

12) Убѣжавшую лошадь поймали на берегу рѣки.

ГОЛОВОЛОМКА № 2.

Изъ предложенныхъ словъ выбрать нѣкоторые слоги и буквы и составить задуманныя слова:

1) Одинъ, родина, моръ, соръ = ягодный кустарникъ.

2) Сонъ, соръ, рогъ = большое животное.

3) Карты, мышка, рамы = животное изъ теплыхъ странъ.

4) Тина, три, рись, ростъ, тѣсъ = водящаяся въ Волгѣ рыба.

5) Собака, колъ, оса = вареная и копченая закуска.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эти задачи, будутъ напечатаны).

Отгадки шуточныхъ вопросовъ, головоломокъ и проч., помѣщенныхъ въ № 3 «Золотого Дѣтства».

Шуточные вопросы. 1) Потому что ихъ даромъ не даютъ; 2) 99⁹/₉; 3) Подъ мокрымъ.

Головоломки. 1) Кость, ромъ, корма. Задуманное слово — Кострома.

2) Однажды лебедь, ракъ, да щука везти съ поклажей возъ взялись и вмѣстѣ всѣ въ него впряглись.

Шарада-загадка. Серпъ + ухо + въ = Серпуховъ.

Върныя рѣшенія прислали: Арнольдъ Минковский изъ Сосновицъ, Леночка Окопишникова изъ Казани, Поля, Вѣра, Муся Кузьмины, Люся и Витя Стракановы изъ Ростова-на-Дону, Леля Чухурянъ изъ Единецъ въ Бессарабіи, Lydie Smirnovъ изъ Парижа (Франція), Роза Рейсеръ изъ Шполы (Киселевка), Eugénie Berg изъ Fitzpай близъ Люцерна (Швейцарія); Ната Дитяткина въ Спб., Галочка Куликова въ Спб., Володя Дикаревъ въ Москвѣ, Китти Дамаскинская, Людмила Сѣдлецкая изъ Холма, Жанна Менье изъ Нижнеднѣпровска, Нина Гаккель въ Гатчинѣ, Петя Ножниковъ въ Мариуполѣ.

ПОЧТА «ЗОЛОТОГО ДѢТСТВА».

Милые товарищи по журналу! Давайте-ка вести переписку, какъ ведутъ подписчики другихъ журналовъ для дѣтей. Кто изъ Васъ и гдѣ живетъ? Какое его любимое занятіе? Я живу въ Новочеркасскѣ, главномъ городѣ войска донского. У насъ въ городѣ есть памятники: Ермаку — покорителю Сибири, донскому казаку, и графу Платову, основателю Новочеркаска. Кромѣ множества среднихъ учебныхъ заведений, есть и высшія: политехническій институтъ, военно-училищные курсы. Я собираюсь поступить въ Кадетскій корпусъ, да Мама все не хочетъ разставаться со мной, такъ какъ я одинъ у нея. Мама думаетъ отдать меня въ реальное училище. Я очень люблю читать, рисовать, путешествовать. Я ѣздилъ много по желѣзной дорогѣ, а разъ плылъ по Черному морю на пароходѣ. Весной поѣду къ бабушкѣ и дѣдушкѣ въ Николаевъ. Тамъ строятся военныя суда. Что Вамъ больше всего нравится въ «Золотомъ Дѣтствѣ»? Мнѣ рассказы «Барри». Надъ юмористическими картинками я всегда хохочу. Большое удовольствіе доставляютъ мнѣ игры, клеянье и окрашиванье домиковъ и т. п. Изъ описаній жизни животныхъ и птицъ я люблю больше всего читать «Слоны» и «Скворецъ». Также очень интересуюсь шарадами, ребусами.

Донской казачекъ.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣ-
комыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каж-
дая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.,
на полгода — 2 рубля.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“,
С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго
Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій)
и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.